

УДК 398

Инна Анатольевна Швед*д-р филол. наук, проф., проф. каф. русской литературы и журналистики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Inna Shved***Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism
at the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: shved_inna@tut.by***СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ БРЕСТЧИНЫ
(ПО ЗАПИСЯМ 2000–2020 гг.)***

В статье с использованием разработанной В. А. Черваневой концепции субъектной организации мифологического текста интерпретируются мифологические повествования, зафиксированные на Брестчине в 2000–2020 гг. В фокусе исследовательского внимания находится выражение в мифологических текстах Брестчины семантических ролей (иные – позиции) рассказчика, который всегда присутствует и вербально представлен в тексте в качестве субъекта дейксиса и субъекта сознания.

Ключевые слова: *локус контроля, интернальный локус контроля, экстернальный локус контроля, копинг-стратегии, копинг-стили, продуктивный копинг-стиль, непродуктивный копинг-стиль, социальный копинг-стиль.*

**Subject Organization of Mythological Narratives of the Brest Region
(according to the Records of 2000–2020)**

The article interprets the mythological narratives recorded in the Brest region in 2000–2020 using the developed by V. A. Chervanov's concept of the subjective organization of the mythological text. The focus of research attention is the expression in the mythological texts of the Brest region of the semantic roles (the position) of the narrator. The narrator is always present and verbally represented in the text as the subject of deixis and the subject of consciousness.

Key words: *locus of control, internal locus of control, external locus of control, coping strategies, coping styles, productive coping style, unproductive coping style, social coping style.*

Введение

Несмотря на двухсотлетний опыт фольклористического исследования и систематизации жанров устного повествования, нерешенным остается целый ряд вопросов, главным образом связанных с усовершенствованием системы классификаций жанров славянского повествовательного фольклора, с выработкой соответствующих критериев и раскрытием специфики народных и фольклористических названий основных повествовательных жанров.

Решение этой задачи стоит на повестке дня Комиссии по фольклористике при Международном комитете славистов. О. Брицына и Д. Айдачич – координаторы проекта,

в рамках которого проходит серия выступлений славистов-фольклористов, совершенно справедливо отмечают: «В разных **национальных традициях** созданы и сосуществуют **две терминологические** системы классификации жанров повествовательного фольклора – народная и научная. Обе они несовершенны, поэтому использование научной классификации часто вызывает многочисленные дискуссии. ...Теоретики народной прозы, говоря о роли интенциональности в этом процессе, показали новый возможный аспект рассмотрения проблемы жанра через анализ акта коммуникации и его составляющих (исполнитель – контекст – аудитория)». Важнейшим вопросом остается определение «жанров с “неустоявшимся” текстом (устные рассказы, былички и т. п.); жанров, имеющих многочисленные и часто несовпадающие (лишь частично взаимопересекающиеся) и употребляющиеся нерегулярно названия (быличка, бывальщина, мемуарат, фабулат и т. п.)» [1]. В связи с реше-

**Статья подготовлена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» задания 2.5 подпрограммы «Культура и искусство» ГПНИ на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (№ 2/p 20211451).*

нием этого вопроса фольклористической жанрологии и текстологии актуальным является раскрытие специфики мифологических повествований (связанных с актуальной ситуацией речи) определенных региональных традиций с точки зрения их субъектной организации.

В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть жанры с «неустоявшимся» текстом, ассоциативным, неоднозначным, гетерогенным, спонтанным началом, включенные в речевой поток, – зафиксированные в 2000–2020 гг. на Брестчине мифологические повествования – с точки зрения особенностей их субъектной организации, которые являются важным критерием дифференциации мифологической (несказочной) и сказочной народной прозы [2]. В плане реализации данного подхода к белорусскому региональному материалу данная задача ставится впервые.

Уровень субъектной организации как критерий дифференциации мифологической (несказочной) и сказочной народной прозы

Уровень субъектной организации – характер отражения в текстах разной жанровой природы субъекта повествования (повествователя/рассказчика) выступает одним из важнейших критериев дифференциации мифологической (несказочной) и сказочной народной прозы [2]. Акцентируя внимание на степени включенности рассказчика в события текста и рассказывания (и как персонажа (включенность в текст на уровне сюжета), и как нарратора (включенность в текст на уровне факта повествования)), В. А. Черванёва констатирует, что вся система субъектной организации мифологического текста находится в связи с этой особенностью [2].

При анализе собственно вербальных маркеров присутствия рассказчика в современных мифологических текстах Брестчины мы используем результаты проведенного В. А. Черванёвой лингвистического исследования мифологических повествований, представляющих собой тип народной словесности, интегрированный в диалог, в непосредственную устную коммуникацию [2].

Для нашего исследования важно, что В. А. Черванёва показала: несмотря на известную специфику фольклорного текста,

обусловленную характером его бытования и трансмиссии, в ситуации устного, непосредственного контактного общения к нему могут быть приложимы (в отдельных аспектах) положения нарратологии, разработанные на материале художественного текста [2, с. 103], например, ставшее традиционным противопоставление диегетического нарратора (принадлежащего миру текста) и экзегетического (не эксплицированного в тексте и не имеющего в нем пространственно-временной позиции) [3, с. 203]. Глубоко осмыслив представленность повествователя/рассказчика в сказочной и несказочной прозе, она доказала, что в текстах с экзегетическим повествователем информация излагается объективированно, с внешних позиций, диегетический же нарратор включен в текст обязательно на уровне факта сообщения и факультативно (хотя довольно часто) на уровне сюжета; именно такой – экзегетический – повествователь «представлен в сказочных текстах: здесь всегда используется нарратив 3-го лица, в котором изображается сказочный мир, а “всезнающий” повествователь находится за пределами этого мира и не указывает на источник информации – он обладает ею имманентно как носитель традиции, фольклорного знания» [2, с. 103]. В мифологическом же нарративе рассказчик всегда включен в текст и вербально репрезентирован: «В меморате позиция нарратора имеет широкое выражение на разных уровнях – номинации как действующего лица, субъекта речи, субъекта восприятия, субъекта сознания и дейксиса. В мифологических фабулатах с объективированной экзегетической формой изложения (от 3-го лица) рассказчик также проявляет себя на вербальном уровне – как субъект сознания (оценок, интерпретаций), а также как субъект дейксиса, что выражается в моделировании пространственно-временного плана текста относительно рассказчика как центра координат. Эта особенность устного мифологического рассказа составляет его специфику по отношению как к письменно-литературным текстам, так и к фольклорным сказочным, четко выделенным из потока речи и структурно оформленным» [2, с. 110]. С точки зрения количества повествователей различаются нарративы с одним первичным рассказчиком, с двумя – первичным и вторичным,

с тремя – первичным, вторичным и третичным (терминология В. Шмида [4, с. 45]). Эти научные положения прокладывают путь к определению характерных черт субъектной организации мифологических текстов, зафиксированных в конкретной вернакулярной традиции, в частности Брестчины.

Анализ мифологических рассказов Брестчины

Используя концепцию В. А. Черванёвой, которая пользуется терминологией В. Шмида, Е. Падучевой, Б. Кормана (который под субъектной организацией произведения предложил понимать соотносительность носителей речи и их сознаний), начнем с рассмотрения устных мифологических рассказов только с первичным нарратором, т. е. рассказчиком/повествователем, который рассказывает о событии, основываясь на собственных наблюдениях или на сообщении других лиц (это тот, от чьего лица ведется рассказ) [2, с. 104]. Например, жительница деревни Тростенец повествует нам о собственном уникальном опыте, соответственно являясь единственным первичным диегетическим нарратором: «Одзін раз, я тобе такі случай раскажу. Я калі лажус спаць, така ў мене была прывычка, во так рукі ложыць (паказывае рукі, скрещенные на груди. – *И. Ш.*), а так толькі покойнікі ляжаць. А я так лягаю і сплю. Одзін раз – “шара-а-ах” тако мне по рукам, і рукі мое разлецеліса. Так лежу і не знаю, ці прыснілос, ці не. Гэта, кажуць, ці ангел-храніцель, ці домовы» (ФА*; Каменецкий р-н). (Комментарий нашей собеседницы «а так толькі покойнікі ляжаць», видимо, был сделан специально для нас как слушателей неосведомленных, не владеющих общим знанием традиции).

Вторичный нарратор – это повествователь, чей рассказ о событии передается первичным нарратором. И если первичный повествователь всегда имеется в тексте, то

вторичный – только в фабулатах, т. е. там, где есть пересказ [2, с. 104]. В качестве показательного примера текста с первичным и одним вторичным («бабулька» рассказчика) нарраторами приведем запись из Сухаревиной: «Бабулька моя була. І кажэ, шо тая (соседка. – *И. Ш.*) от коров молоко отбирае. Ну то, кажэ, стала вмыраты, то кажэ, ны могла вмырті. Тры дня вмырала, ны могла вмырті. То кажэ, пока ны зрывалы гэтэ, потолок, там над двырыма. І кажэ, рычыть коровымы гукамы» (ФА; Брестский р-н). Этот текст относится к типу с первичным диегетическим нарратором, «который является наблюдателем за поведением реципиента мифологического персонажа или явления. В текстах такого рода описывается мистический опыт не самого рассказчика, а другого человека, однако в ситуации текста нарратор присутствует» [2, с. 105]. Вербальными маркерами первичного диегетического нарратора являются «как прямые средства – грамматические и лексические показатели 1-го лица, так и косвенные – соотносительные с рассказчиком номинации других персонажей, например, термины родства и подобное, которые ставят рассказчика в центр системы координат текста» [2, с. 105], например «я», «у нас тут», «у нас у соседзеў», «моя маці» и подобное в тексте: «От таке е, **я** тобе раскажу. А е, шо з лісіны бывае ўпаде ломачына. Е та, шо упаде, – пошоў, нішто. А е, шо ўпаде ломачына (например, **у нас тут** дамба, і вэрбы з одного боку, і з второго боку), то бувае такая ломачына пэрэйде, то ты будзеш ходіць, зайдеш до... і назад вэрнешся. Прыйшла, і туды знов... Прыйшла в тэ место, пуйду я туды знов... і будеш десеть раз ходіць – і не можэш добіцца. От то **я** тобе скажу. **У нас у соседзеў**... Прыйшла (она у нас молола, жорнамы молола муку). Пушла. Ходіць до обіду, ходіць. Кажэ, вона кажэ, прыйшла (а **моя маці Антоніна** была): “Ох Антосенька, Тонечка, то ж я ж ні дома ш ні была!” “Як ні была?” Ка: “Зайду – назад ворочаюсь, і назад ворочаюсь”. А **моя маці** кажэ: “Наверно, нека ломачына ўпала така врэдна недзі на дарозі. То от так і ходзіш”. Да вона троха посідела, далі пошла, даў Бог, пошла. О таке е, шо ўпаде, то вжэ ні сюды, ні туды. Да, бывае, наступіш на еі, і всё» (ФА; Мочуль, Столинский р-н).

*ФА – фольклорно-этнографический архив студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика и краеведение» БрГУ имени А. С. Пушкина, в котором хранится весь представленный в статье эмпирический материал, собранный автором статьи и студентами филологического факультета.

Вторичный повествователь может иметь разную степень персонифицированности: выделяются 1) конкретный персонифицированный рассказчик (он является при этом действующим лицом текста) и 2) обобщенный неперсонифицированный субъект повествования (социум, деревенское сообщество, часто репрезентируемое бессубъектными конструкциями с глаголами речи в роли предикатов: говорили, говорят, рассказывали и т. п.) [2, с. 104]. В приведенном тексте «бабулька» повествователя – конкретный субъект, реципиент мифологического явления, персонифицированный вторичный рассказчик.

Обобщенно функции рассказчика в мифологическом нарративе, согласно В. А. Черванёвой [2, с. 104], которая опирается на предложенную Е. В. Падучевой [3] классификацию семантических ролей говорящего (субъект восприятия, сознания, речи, дейксиса), выглядят следующим образом:

- 1) субъект действия (является действующим лицом описываемого события);
- 2) субъект восприятия (является реципиентом мифологического явления или наблюдателем);
- 3) субъект речи (рассказывает о событии);
- 4) субъект сознания (интерпретирует происходящее);
- 5) субъект дейксиса (осуществляет референцию и пространственно-временную локализацию объектов относительно себя самого).

Примером полноценной реализации парадигмы названных (первая предложена В. А. Черванёвой) функций, а также представленности как конкретного персонифицированного рассказчика, так и обобщенного неперсонифицированного субъекта, может быть «сложное повествование» мужчины (жителя д. Большие Мурины Каменецкого р-на, 1967 года рождения с высшим образованием; ФА), адресованное студентам-практикантам, интересовавшимся «интересными историями» деревни. Рассказчик пытается разъяснить «неосведомленным» слушателям (и себе) природу сверхъестественных явлений прошлых лет, при этом доминанция формата воспоминания не мешает разворачиванию событий в актуальном времени. В «первом эпизоде» предстает обобщенный субъект повествования, социум

либо его «старшая» группа – «старики говорили», «все описывали»): «Ну тут оно то, что было, оно, и *старики говорили* много-много раз, оно как бы исчезло. Но было такое одно явление, которое длилось долго, но... десятилетия. Это, когда люди выпивши шли, то в вечернее время появлялся старик. *Описывали* всегда одинаково: там шляпа, небольшого роста. Ну и типо вот за этим стариком почему-то люди шли. Потом очухивались, т. е. приходили в здравый смысл, или по шею в реке, или зайдя в болото. И старик исчезал. Но ни одного случая смерти не было. Попадали в ситуацию опасную, но на грани, т. е. человек мог остановиться, допустим, прийти в себя... ну, там река обрывистая, на краю. (Вопрос: А как река эта называется?). – Лесная. Сейчас болото осушили. Раньше здесь было болот достаточно много, и возле реки, т. е. некоторые заходили в болото». («Лексема *здесь* в мифологических рассказах употребляется таким же образом, как и в разговорной речи, а именно: здесь всегда соотносится текст с ситуацией его произнесения, всегда обозначается место, где происходит беседа, – населенный пункт, местность или конкретный локус. Это слово всегда употребляется в контекстах первичного, т. е. разговорно-речевого дейксиса, часто в сочетании с указательным жестом» [6, с. 79].)

Голос рассказчика в тексте начинает усиливаться, когда мужчина сосредоточивается на решении вопроса о природе загадочного явления («описываемого всеми одинаково», т. е. обобщенный неперсонифицированный субъект не теряет своих позиций) и сопоставляет известные ему «факты»: «И *все описывали* одинакового старика. Ну и никаких трактовок не было, абсолютно никаких, вот. И, возможно, почему исчезло, чисто я слышал связь: раньше возле Муриноу стоял камень с отпечатками слепоу, т. е. ну как на глине выдолбленные следы были ступней, птичьих лапок. Вот не могу сейчас уже сказать где... где-то там. И его потом вывезли при Советском Союзе на исследования. И после того, как его вывезли, и перестал появляться этот загадочный старик. В случае с этим стариком... ну опять же: люди подвыпившие, ну, изредка бывало трезвые, изредка. С одной стороны, трудно что-то доказать, с другой – понимаешь, что *описывают* одинаково внешность. Таких

случаев десятки, сотни были, но т. к. никто никуда не пропадал, считалось: “пусть будет” – люди привыкают. Сейчас просто такие загадочные явления исчезали».

Дальнейшая экспликация текста характеризуется отсутствием указания на источник информации и ярко выраженными интерпретативными элементами в его обрамлении: «**Вот было, например, загадочное явление**, ну, Каменецкая башня, **может, оно есть где там**. Када человек заходил в отдельную точку в двенадцать часоў, в нескольких десятках метроў, терял ориентацию и куда-то шел, ну, не туда, куда хотел, километра через полтора, вот. Допустим, человек идет, пересекает то место, в полночь, теряет ориентацию и может через полтора километра быть на Замостах, т. е. идет, идет **непонятно куда. Может, оно тоже осталось**».

Следующий эпизод записи можно квалифицировать как меморат, позволяющий констатировать традицию трансляции мифологических текстов в семье рассказчика, изменения отношений нарраторов различных гендерно-возрастных групп (сын и мать) к «реальности» (мама, видимо, слышала рассказ о полночном визитере и обсуждала его с родными и «перечила» рационализации происходящего сыном): «Ну что еще в Муринах было... Это тоже длилось десятилетия: примерно в полночь этот ручей, ну раньше там еще мусор выкидывали, и этот ручей, ну как, то я, мамы гавору: “Какой-то прыдурок бродит, ветки хрустят”... Постоянно! Туда боялись ходить. Грузные шаги были. И я мамы гавору: “Какой-то прыдурок ходит, во, пьяный, наверно, пойти може, это...” А она: “Да не, это Оно. Оно с детства было, туда просто не надо ходить после двенадцати часоў”. И это Оно ходило, потом перестало ходить... ну, это сейчас как-то все исчезает. А Оно перестало ходить, когда там... Ну, там источники били, а сейчас перестали почему-то, сейчас нету. Били, били – и перестали. Люди к этой реченьке относиться как-то так стали: туда мусор сносить и все остальное... И источники (исчезли. – *И. Ш.*)».

Приведенный фрагмент интервью, кроме всего, актуализирует традиционную модель «в старые добрые времена, когда природа была нетронутой и благосклонной

к человеку, чаще происходили его встречи с проявлениями иномирья».

В завершение мужчина приводит мифологический нарратив, меморат, в котором кроме таких семантических ролей говорящего, как субъект восприятия, сознания, речи, дейксиса, можно усмотреть и субъекта действия (мужчина преодолевает свой страх, вместо того, чтобы убежать, остается, а утром как действующее лицо идет на место встречи с «неопознанным объектом»): «**Я лично только столкнулся**, даже **не столкнулся**... Один раз, ну, тоже, и случайно, в полночь, **вышел** на улицу, был на конце участка, и там лежали доски старые, просто дранки от забора. И **такое ощущение**, что кто-то идет (в мою сторону по земле) очень грузный, т. е. слышно прям шаги по земле, как-будто идет шо-то... грузный. Притом никого нет, в темноте **не видно**, там пригибается трава или нет. И между **мной** и вот этими шагами лежали старые дранки, ну, дрова. Вот, и идет грузный, раздается хруст. **Я** просто **постоял**, хотя, конечно, **хотелось** побежать, ну, **страх сильный набегае**. Ну и потом шаги исчезли. И утром **я пошел глянул**, ну, чисто. **Я вот математик** по специальности, **посмотрел** эти доски, ну, как будто, ну, они поломаны **действительно** были. Где-то **я оценил** вес: килограмм восемьсот что-то шло, но оно не оставляло, т. е. трава могла колыхаться там, но никто не видел... зверюшку саму никто не видел. Это то, что на ручье ходило, или нет... **непонятно**».

Вместе с тем актором в прямом смысле слова мужчину трудно назвать, т. к. он не стремится к контакту с мифологическим существом, а, скорее, является субъектом его воздействия, реципиентом. Таким образом, перед нами в одном «сложном повествовании» (части которого образуют законченные сюжеты, которые представляют собой отдельные рассказы или являются сюжетно-композиционными элементами) представлены и фабулаты с неперсонифицированным либо обобщенным субъектом речи и относительно объективированной формой повествования (в которых вторичный нарратор – источник сообщения – репрезентирован глаголами речи в неопределенно-личных конструкциях) и свидетельские показания, и мемораты с первичным диегетическим нарратором. Первичный

нарратор в приведенной записи из Больших Муринов может иметь как нулевую форму выражения, так и выступать субъектом действия: мужчина-рассказчик переходит от «пересказов» к свидетельским показаниям и мемуарам, являясь непосредственным участником описываемых в тексте событий и на вербальном уровне проявляя себя в тексте личными местоимениями 1-го лица, грамматическими показателями 1-го лица глаголов, при этом прибегая к самоцензуре и рационализации.

Еще для одного типа организации текста, как отмечает В. А. Червенёва, «характерно наличие нескольких нарраторов – первичного диегетического с вторичным, который является источником информации о событии для первичного рассказчика и чей рассказ о событии тот передает в своем повествовании. Вторичный нарратор может выступать как реципиент мифологического явления и описывать собственный опыт, а может быть наблюдателем или пересказчиком истории с чьих-то слов» [2, с. 104].

Для организации текста, записанного в д. Краи Ивацевичского р-на, характерно наличие еще и вторичного нарратора кроме первичного: «(После празднования на Купалу. – *И. Ш.*) ўжэ ішлі додому, да ўжэ йдзе-мó, да неколі казалі: “От тая баба перэтварылася у тую корову, то ў тую”. “Ой-ой, онё петух побежаў”... ужэ этэ... “Бежымó! Это тая баба перэтварылася в этэ”». Ну, неколі і наша маці *расказвала*, шо тожэ одна баба прішла ўжэ як, ну, рано. Попріхóдзілі, а она лежít, *кажэ*, токо опéчана ўся. А воны: «Ой, а шо то случылося?» А вона: «Ой, то на печэ лежала. Ой, то на печэ опе-клáса». А воны, *кажэ*, вона перэтварылася... Ну, чі праўда, чі не. Быль такая. Перэтвары-лася, *ка*, ў жабу. Да скакала-скакала жабою, а тая хозяйка побачыла, шо віскочыла жаба з-під этого... да ее ў печ тыцнула, ўзяла на лопатку. Неколі ж булі лопаты эты дзерэвя-ныя. Да на тую лопату, да от ее тыцнула, да ее... да й опеклá ей тута, да й назад, да й ві-кінула ее. А вона поскакала. Неколі ж і ку-ры булі ў хаці под печчу ўсе. Поскакала пыд печчу. А очуцілося: баба перэтварыла-са!» (ФА; Краи, Ивацевичский р-н).

Прямые вербальные маркеры присутствия *вторичного нарратора* в тексте – «предицируемые ему глаголы речи, кото-рые являются и показателями их функции

источника сообщения в тексте» [2, с. 106] – «расказвала», «кажэ».

Хотя важной особенностью мифологического нарратива, как справедливо замечает В. А. Черванёва, является обязательное присутствие в тексте субъекта повествования на вербальном уровне, в отдельных примерах текстов мифологической прозы «говорящий не включен в текст на уровне сюжета или его рамки (как участник, наблюдатель или пересказчик с чужих слов)» [2, с. 107]: «Некалі ж даўней сабіраліса ўсе дзяўкі на вечаркі. Сядзелі ды ткалі, расказвалі абы што, песні пелі, сьмяяліся. Кажды дзень збіраліся ў новуй хаце. Прыходзілі к ім хлопцы. І от аднаго ж разу зноў прышлі к ім поўна хата хлопцаў. Гэтакіе ўжэ спраў-ныя былі, красаўцы, але іх ніхто і ніколі не бачыў. Цэлы вечар яны сьмяяліся, танцавалі, расказвалі абы што. Ну і от прышла ж пара іці дадому. А каму ж хочацца іці? Шчэ гуляюць. І от адна дзеўка ўпусьціла нешто на падлогу, ды нагнулася паднімаць, ды ўбачыла, што ў гэтых жэш хлопцаў не ногі, а капыты. Спужалася яна, ды як закрычыць на ўсю хату. Усе папужаліся і началі ўця-каць з тае хаты». И только в конце, после паузы рассказчик добавляет: «То *казалі* после, што ўсе тые дзевачкі сівымі сталі, бы галубкі. *От што рабіласо*» (ФА; Будча, Ганцевичский р-н).

Особенностью таких текстов, где субъект повествования не имеет прямой вербальной репрезентации, где отсутствует указание на источник информации, по наблюдениям В. А. Черванёвой, является то, что хотя «по формальным признакам перед нами третьеличный нарратив, тем не менее дейксис текста свидетельствует о канонической речевой ситуации экспликации текста (когда говорящий и адресат находятся в одно время в одном месте в зоне взаимной видимости [5]), о том, что мир, изображаемый в тексте, – это мир, в котором рассказчик присутствует. Это очевидно благодаря вербальным единицам, указывающим на пространственно-временную локализацию говорящего... относительно рассказчика и оценочно-интерпретативным элементам, свидетельствующим о позиции рассказчика (*От это правда*)» [2, с. 108]. В приведенном тексте позиция рассказчика выявлена в заключительном элементе, отражающем его личное восприятие: «От што рабіласо», –

и единственный раз появляется неперсонифицированный субъект речи: «казалі»).

Присутствие рассказчика в тексте могут выдавать лишь интерпретации, принадлежащие рассказчику, «а ссылка на некое общее знание традиции (притча) предстает как способ ввода текста с экзегетическим нарратором» [2, с. 108]. Так, в тексте, находящемся на стыке жанров устной народной прозы, соприсутствие и вербальная репрезентация рассказчика как субъекта сознания (в первую очередь) и дейксиса имеет выражение только в выделенных нами комментариях: *«То ны прыказка, а то правда була колэсь. Чоловікэ дась у ліс поехалі. Тай довго там булэ. І булэ вонэ в постолэх. (Ек лозу дарлэ, і плалэ, і обувалэ. Ек лапті, ала по нашому называлысь постолэ, обув така). Тай тая папоротьквітка дась влатіла в той лапотэ (ек тэ скажаш), тай він став всё понімаэ. Тай пріехах до хатэ, вэпраг тэі волэ, напоів і пустэв у хлів. А одэн лягая і кажа: “Ох!” (а той чоловік стоіть і слухая, він начах понімаэ, шо вонэ кажуть). А другій кажа: “А чого тэ так, замучівся?” А той кажа: “Замучівсь, то замучівсь, а завтра нам ша техша робота буда. Хозяіна на кладбішча повазамо”. Вот він слухав, і зашов у хату і кажа на жынку: “Готов мні всё смертельна, бо вжа е завтра умру”. А жынка кажа: “Тэ дурнэй!” Бо він ша молодэй був. А хозяін кажа: “Е говору тоя, шо знаю”. “Готовся, са хочаш”. І розуеся – і тая квітка вэлатыла. Він усё забуеся. А рано встае жынка, а чоловік ныжывэй»* (ФА; Леликово, Кобринский р-н).

Заклучение

В результате анализа становится очевидно, что концепция субъектной организации мифологического текста, разработан-

ная В.А. Черванёвой главным образом на эмпирическом материале Республики Коми, может быть эффективно применена к интерпретации мифологических повествований, зафиксированных в других регионах и этнических традициях, в частности Брестского Полесья.

В устных мифологических нарративах обеих традиций рассказчик всегда соприсутствует и вербально репрезентирован, но не на уровне номинации как действующего лица или субъекта речи, как в сказках, а в качестве субъекта дейксиса и субъекта сознания [2, с. 108], что объясняется спецификой модальности текстов этого типа словесности – установкой на достоверность у мифологических повествований. «Присущая им установка на достоверность в сочетании с устной формой воспроизведения обуславливает обязательный канонический контекст, в котором находит отражение ситуация произнесения текста. Мифологический нарратив включен в разговорный дискурс, является его частью, и особенности субъектной организации мифологического текста являются прямым следствием данного обстоятельства» [2, с. 110].

Результаты могут быть применены для исследования мифологических повествований иных региональных традиций, с расширением ракурса рассмотрения в гендерном аспекте, в плане сопоставления мифологических, биографических нарративов и сказок, бытующих в определенных вернакулярных традициях, с вниманием к ситуативному и культурному контекстам, языку повседневной коммуникации «носителей» конкретной традиции, а также для решения теоретических проблем фольклористической жанрологии, типологии повествовательных форм и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брицына, О. Народные и фольклористические названия жанров славянского устного повествования [Электронный ресурс] / О. Брицына, Д. Айдачич // Комиссия по фольклористике при Международном комитете славистов. Славянская фольклористика. – Режим доступа: <http://slavika.org/folklor/>. – Дата доступа: 04.09.2021.
2. Черванёва, В. А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра / В. А. Черванёва // Вестн. славян. культур. – 2020. – Т. 56. – С. 101–114.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 312 с.
5. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.

6. Черванёва, В. А. Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора [Электронный ресурс] / В. А. Черванёва // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2020. – № 3 (2). – С. 72–87. – Режим доступа: <https://folklore.elpub.ru/jour/article/view/89/87>. – Дата доступа: 04.09.2021.

REFERENCES

1. Bricyna, O. Narodnye i folkloristicheskiye nazvaniya zhanrov slavianskogo ustnogo povestvovaniya [Elektronnyj resurs] / O. Bricyna, D. Ajdachich // Komissija po fol'kloristike pri Mieżhdunarodnom komitetie slavistov. Slavianskaja fol'kloristika. – Rezhim dostupa: <http://slavika.org/folklor/>. – Data dostupa: 04.09.2021.
2. Chiervaniova, V. A. Mieżdu bylichkoj i skazkoj: lingvisticheskiye markiery zhanra / V. A. Chiervaniova // Viestn. slavian. kul'tur. – 2020. – T. 56. – S. 101–114.
3. Paduchieva, Ye. V. Siemanticheskiye issliedovanija. Siemantika vriemieni i vida v russkom jazykie. Siemantika narrativa / Ye. V. Paduchieva. – M. : Jaz. rus. kul'tury, 1996. – 464 s.
4. Shmid, V. Narratologija / V. Shmid. – M. : Jaz. slavian. kul'tury, 2003. – 312 s.
5. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 897 p.
6. Chiervaniova, V. A. Fol'klornyj tiekst v riezhimie dialoga: k voprosu o statusie jazyka fol'klora [Elektronnyj resurs] / V. A. Chiervaniova // Fol'klor: struktura, tipologija, siemiotika. – 2020. – № 3 (2). – S. 72–87. – Rezhim dostupa: <https://folklore.elpub.ru/jour/article/view/89/87>. – Data dostupa: 04.09.2021.

Рукапіс надрукований у редакції 02.10.2021